

ISSN 1997-0730

ВЕСТНИК

ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4(21)

серия
ФИЛОЛОГИЯ

2012

Печатается в авторской редакции

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48354 от 26 января 2012 г. Усл. печ. л. 31,25.

Подписано в печать 24.08.2012 г.

Тираж 1000 экз.

Формат 62×84 ¹/₈

Заказ № 5101

ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет»
664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

Изготовлено в ООО «Репроцентр А1»
664047, г. Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2
тел. (3952) 540 940

ВЕСТНИК

ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

2012

№ 4 (21)

Научный журнал
Рецензируемое издание ВАК по филологии

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель
Иркутский государственный
лингвистический университет

Главный редактор
Александр Михайлович Каплуенко,
доктор филологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Светлана Алексеевна Хахалова,
доктор филологических наук, профессор

Редакционная коллегия
Григорий Дмитриевич Воскобойник,
доктор филологических наук, профессор

Виктор Алексеевич Виноградов,
доктор филологических наук, профессор,
член-корр. РАН

Светлана Николаевна Плотникова,
доктор филологических наук, профессор

Евгения Федоровна Серебrenникова,
доктор филологических наук, профессор

Николай Петрович Антипов,
доктор филологических наук, профессор

Олег Маркович Готлиб,
кандидат филологических наук, доцент
(отв. за раздел «Восточные языки: лингвистика,
методика»)

Валерий Петрович Даниленко,
доктор филологических наук, профессор

Владимир Ильич Карасик,
доктор филологических наук, профессор

Лия Матвеевна Ковалева,
доктор филологических наук, профессор

Галина Максимовна Костюшкина,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Алексеевич Ладыгин,
доктор филологических наук, профессор

Юрий Марцельевич Малинович,
доктор филологических наук, профессор

Вера Брониславовна Меркурьева,
доктор филологических наук, доцент

Редактор
Анастасия Владимировна Каверзина

Верстка и дизайн
Екатерина Васильевна Огородникова

Адрес редакции
664025, г. Иркутск, ул. Ленина, 8, к. 401 А
e-mail: fo@islu.irk.ru

© Вестник Иркутского государственного
лингвистического университета, 2012

Содержание

ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИКА, МЕТОДИКА

А.А. Хаматова

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛЕКСИКИ КИТАЙСКОГО
ЯЗЫКА В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА 9

Н.Л. Адилханян

КОНТИНУУМ СУЩЕСТВ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА
В ЭМБЛЕМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)..... 13

В.В. Аникина

МЕСТО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ПОДХОДЫ..... 17

М.В. Багинская

О ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ИМЕНИ КАК
ЗНАКА (ФИЛОСОФСКОЕ КОНЦЕПЦИЯ ИМЕНИ А.Ф. ЛОСЕВА
В ТЕРМИНАХ ЛИНГВИСТИКИ) 24

Ван Лэй

АНАЛИЗ ТРАНСЛЯЦИИ ИНТОНАЦИИ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА
НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА 29

О.Ю. Воронина

О ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ ЯЗЫКА
С ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТЬЮ
(НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ ВАН ЛИ)..... 32

Н.Н. Воропаев

О ПРОБЛЕМАХ КЛАССИФИКАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ИМЕН И ДРУГИХ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В
КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ 37

М.А. Гаврилюк

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ГЕНДЕРНОЙ
АСИММЕТРИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 42

Н.П. Гильманшина

ДИАЛЕКТИКА АРГУМЕНТАЦИИ И МАНИПУЛЯЦИИ
В ДИСКУРСЕ ПУБЛИЧНОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕЧИ ПАК ЧОН ХИ) 49

Н.В. Гурьян

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЕДИНИЦ ОПИСАНИЯ ПЕРВОГО
КИТАЙСКОГО СЛОВАРЯ «ЭРЪЯ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАВ «ШИ ГУ» И «ШИ ЯНЬ») 57

- [Текст] / М. Власова. – СПб. : Северо-Запад, 1995. – 383 с.
3. Де Грот, Я.Я.М. Демонология древнего Китая [Текст] / Я.Я.М. Де Гроот. – СПб. : Евразия, 2000. – С. 10–11.
 4. Душечкина, Е.В. Три века русской елки [Текст] / Е.В. Душечкина // Наука и жизнь. – 2008. – № 1. – С. 110–116.
 5. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих» : миф или реальность? [Текст] / В.В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
 6. Малявин, В.В. Китайская цивилизация [Текст] / В.В. Малявин. – М. : Астрель, 2001. – 631 с.
 7. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
 8. Пименова, М.В. Культурные коды и авторская концептуализация сердца (на примере произведений С.А. Есенина) [Текст] / М.В. Пименова // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования : в 2 ч. – Самара : СГУ, 2006. – Ч. 2. – С. 7–14.
 9. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования [Текст] / Ю.С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 824 с.
 10. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

УДК 81-122.2

ББК 81.2

В.В. Аникина

МЕСТО КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ: ЕВРОПЕЙСКИЙ, ВОСТОЧНЫЙ ПОДХОДЫ

Статья освещает актуальный вопрос о месте корейского языка в генеалогической классификации языков. Рассматриваются основные характеристики теорий западноевропейских лингвистов, а также учение корейского лингвиста Ли Ги Муна. Определяется общее и отличное в подходах корейского и европейского языкознания к вопросу установления родственных отношений корейского языка с японским, а также с языками алтайской семьи.

Ключевые слова: алтайская теория; реконструкция; когуреский язык; пэкческий язык; силлаский язык

V.V. Anikina

THE POSITION OF KOREAN IN THE GENETIC CLASSIFICATION OF LANGUAGES: EUROPEAN VS. EASTERN THEORIES

This article is focused on the position of Korean in the genetic classification of languages and theories proposed by the European and Korean linguists. Besides, the article defines common and distinctive features of European and Korean theories on genetic affinity of Korean with Altaic and Korean with Japanese.

Key words: Altaic theory; reconstruction; Koguryŏ language; Paekche language; Silla language

В современной лингвистике вопрос о принадлежности корейского языка к алтайской языковой семье остается спорным. Несмотря на то, что большинство европейских и корейских филологов являются сторонниками теории родства корейского языка с языками алтайской семьи, им противостоят отдельные ученые, которые придерживаются иного мнения. В связи с этим все существующие теории в европейском и корейском языкознании можно свести к двум основным: алтайская и не-алтайская. Анализ этих взглядов мы и рас-

сматриваем как цель нашей статьи.

В российской научной литературе корейский язык традиционно трактуется как язык изолированный, генетические связи которого устанавливаются лишь гипотетически [Ярцева, 1998, с. 240], либо как язык, не относящийся ни к одной языковой семье. Однако относительно недавно в свет вышли фундаментальные работы А.В. Дыбо, С.А. Старостина, в которых приведены веские доказательства в пользу родства корейского языка с языками алтайской семьи. В европейском и корейском

языкознании так же, как и в российском, приоритет отдается алтайской гипотезе, в рамках которой признается родство корейского языка с маньчжурским и тюркским языками.

Вопрос о месте корейского языка в генеалогической классификации был поднят лингвистами еще в XIX в. Е. Астон и Л. Росни первыми высказали предположение о связи корейского языка с языками алтайской семьи. В начале XX столетия почти одновременно и независимо друг друга финский лингвист Г. Рамстедт и русский ученый Е.Д. Поливанов опубликовали свои работы, в которых корейский язык вслед за лингвистами предшествующего столетия был отнесен к алтайской языковой семье.

Е.Д. Поливанов проводил сопоставление языков на фонетическом и морфологическом уровнях. Суммируя результаты исследования, он пришел к следующим выводам: 1) исключительно суффиксальный характер морфологии – и в алтайских, и в корейском языках; 2) постоянное место и экспираторный характер ударения; 3) приблизительные сходства в типичном количественном составе лексической морфемы; 4) сингармонизм, являющийся характерным для всех групп «алтайского семейства, однако отсутствующий в современном корейском языке»; 5) сходства общего характера в составе фонетической системы (гласных и согласных) [Поливанов, 1928, с. 160].

Г. Рамстедт так же, как и Е.Д. Поливанов, отнес корейский язык к алтайской языковой семье [Ramstedt, 1939, p. 54]. Именно его теория впоследствии легла в основу многих исследований европейских и корейских филологов.

В отличие от Е.Д. Поливанова, Г. Рамстедт уделяет особое внимание исследованию родства корейского и японского языков. Он выделяет четыре основных признака, по которым можно определить родственные связи этих языков: 1) наличие лексических единиц, у которых отсутствуют префиксы или инфиксы; 2) наличие архаичных форм суффиксов; 3) схожее построение слогов; 4) наличие закономерности: в начале слова обязательно присутствует гласный звук или согласный в сочетании с гласным. Два согласных звука не могут быть начальными [Ramstedt, 1939, p. 54].

Самым цитируемым автором в корейской

лингвистике, на наш взгляд, является советский, а затем американский монголовед Н. Поппе, который так же, как и его предшественники, исследовал проблему родства корейского языка с языками алтайской семьи. Н. Поппе в своей работе ссылается на труды Г. Рамстедта и корейского филолога Ли Ги Муна. Он отмечает недостаточную изученность корейского языка, что, в свою очередь, не дает возможности считать его в полной мере членом алтайской языковой семьи [Poppe, 1965, p. 163]. Однако Н. Поппе не опровергает выводы Г. Рамстедта, а наоборот призывает искать новые доказательства в пользу теории финского ученого.

Классификация языков, предложенная Н. Поппе, указывает на то, что корейский язык не имел промежуточных стадий, следовательно, не был связан ни с одной из групп алтайской семьи; он отделился непосредственно от праязыка.

Г. Рамстедт, а вслед за ним и Н. Поппе, стал основоположником, так называемой теории о «микро-алтайской» [Johanson, 2006, p. 170] семье, к которой относятся тюркский, монгольский, тунгусский языки и корейский язык в том числе. Последователи Г. Рамстедта и Н. Поппе не ставили задачу опровергнуть теорию своих предшественников, а занимались сбором материала, который мог бы служить новым доказательством в пользу их гипотезы.

В конце XX в., наряду с западноевропейскими учеными, российские лингвисты также активно стали заниматься вопросом генеалогии корейского языка. С.А. Старостин, изучая родство японского и корейского языков, рассматривает последний в составе алтайской языковой семьи. На примере сопоставления фонетических и лексических единиц он представляет большое количество доказательств в пользу своей гипотезы. С.А. Старостин говорит о том, что алтайская семья древнее большинства других языковых семей Евразии (в частности, древнее индоевропейской и финно-угорской), а потому современные алтайские языки сохранили меньше общих элементов, а оставшиеся общие элементы в них подверглись большим трансформациям, чем это имело место в истории многих других языковых семей. «Алтайские языки уже после распада продолжали контактировать между собой и изобилуют сравнительно поздними

взаимными заимствованиями» [Старостин, 1991, с. 160]. Такое утверждение позволяет ответить сразу на два вопроса о том: 1) почему же в настоящее время крайне сложно установить общий праязык для языков алтайской семьи; 2) почему практически невозможно восстановить все стадии эволюции корейского языка.

Российский ученый уделяет особое внимание японскому языку, отмечая, что тот равноудален от тюркского, монгольского и тунгусо-маньчжурского, но явно находится ближе к корейскому [Старостин, 1991, с. 169]. Он предлагает так же, как и Р.А. Миллер, выделять полуостровную подгруппу алтайских языков, в составе которой находятся корейский и японский языки.

В ходе сопоставительного анализа фонетических и лексических единиц языков алтайской семьи С.А. Старостин приходит к выводу о родстве между собой всех алтайских языков, включая японский, причем он неоднократно подчеркивает, что японский больше всего сближается с корейским.

Родство японского и корейского языков в лингвистике всегда выделялось как отдельная тема исследования, которую затрагивали многие европейские ученые. Так, С. Мартин в 1966 г. опубликовал результаты сопоставительного анализа лексических единиц японского и корейского языков. Он провел выборку 265 лексических пар японских и корейских слов, которые, по его мнению, были этимологически связаны между собой.

С. Мартин составил взаимные соответствия для каждой фонемы в каждой лексической паре. Полученные пары были разделены им на три категории: 1) с эквивалентным значением, 2) с частичным эквивалентным значением и 3) с расходящимися значениями. Для ровного счета были добавлены еще 55 пар слов, таким образом, общее число пар составило 320.

Однако, несмотря на такой системный анализ, впоследствии работа С. Мартина подверглась критике. Многие из соответствий, которые были включены во вторую и третью категории, были признаны невозможными. Самые сильные возражения были выдвинуты против самих выведенных закономерностей. Оппоненты теории С. Мартина посчитали, что реконструкции были не более чем формулами,

отражающими факт механического процесса, не имеющего ничего общего с реальным языком. Тем не менее, несмотря на критику, статья С. Мартина получила признание среди многих языковедов, и легла в основу большей части последующих компаративистских работ японских лингвистов.

Американский лингвист Р.А. Миллер, освещая вопрос об истории развития алтайской гипотезы, дает отрицательную оценку статье С. Мартина [Martin, 1966]. Кроме того, он делает собственные предположения о дальнейшем развитии компаративистского исследования японского и корейского языков в связи с появлением работы С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака [Dybo, 2003]. Он утверждает, что в настоящее время, благодаря работам европейских ученых, а также выдающимся исследованиям российских лингвистов в области реконструкции алтайской языковой семьи, в научных кругах признан факт принадлежности корейского и японского языков к алтайской семье [Miller, 2008, p. 264]. Наряду с этим, ученый справедливо отмечает, что остаются до сих пор нерешенными вопросы о реконструкции промежуточных стадий этих языков, об их родстве и о существовании общего праязыка. Р.А. Миллер правомерно указывает на то, что некоторые современные исследователи игнорируют фонетическую сторону текстов на старояпонском и старокорейском языках, поскольку именно анализ фонетического уровня создает дополнительные трудности в сопоставительном процессе [Ibid. P. 277].

Изучая эволюцию корейского и японского языков, Р.А. Миллер приходит к выводу о том, что эти языки индивидуальны. Они рассматриваются им в рамках алтайской семьи как отдельные сущности, которые занимают особое место в истории развития языков. Ученый делает предположение о том, что праязыки корейского и японского могли иметь свою собственную историю, которую еще предстоит изучить. Он прав и в том, что его коллеги-современники очень часто ссылаются на работы своих предшественников, не проводя детального анализа представленных в них материалов. А ведь сопоставляемые элементы в таких исследованиях могут и не иметь под собой прочной исторической основы, как следствие, не все умозаключения могут быть вер-

ными. Кроме того, ученый призывает остановиться «игру без правил» [Miller, 2008, p. 288] в отношении японского и корейского языков, и прекратить сравнивать только то, что наиболее доступно и очевидно.

Как и корейские филологи, Р.А. Миллер отмечает, что в настоящее время можно найти древние источники на японском языке, которые по временным рамкам сопоставимы с материалами на тюркском языке. Помимо этого, существует достаточно большой объем исторического материала, записанного на корейском языке в китайской транскрипции. Однако в современной науке нередко компаративный анализ проводится без обращения к данным материалам, лишь на примере доступных языковых единиц, которые с большой степенью вероятности можно считать заимствованиями, о них же упоминает и С.А. Старостин. Выводы, сделанные в ходе анализа подобных заимствований, не могут считаться единственно верными доказательствами принадлежности данных языков к алтайской семье.

Работа корейского филолога Ли Ги Муна отвечает всем требованиям, выдвинутым Р.А. Миллером. Ли Ги Мун детально изучил эволюцию корейского языка, высказал свои, отличные от европейских ученых, предположения об истории развития родного языка и о причинах родства корейского и японского языков.

Корейский лингвист изучает историю развития корейского языка, а также занимается его реконструкцией, оставаясь приверженцем алтайской теории. Вслед за Н. Поппе он одним из первых в современной лингвистике признал тот факт, что корейский язык отделился от праалтайского в самом начале своего развития, и имел свои промежуточные стадии в процессе эволюции.

Обращаясь к истории корейского языка, Ли Ги Мун акцентирует внимание на том, что настоящее его развитие началось в XV в., когда был создан корейский алфавит. Современные ученые исследуют языковой пласт до середины XV в., а вот более древние языковые формы сложны для реконструкции и описания, поскольку представляют собой тексты, записанные китайскими иероглифами, адаптированными под корейскую фонетическую систему.

Ли Ги Мун указывает на то, что попытки

ученых определить родство корейского языка с тремя основными языковыми группами алтайской семьи естественны, поскольку корейский лексический пласт неоднороден. Подобные суждения встречаются и в работе С.А. Старостина, который отмечает, что языки алтайской семьи сложно подчинить системному анализу, поскольку слишком высока степень взаимопроникновения лексических единиц. Ли Ги Мун пишет, что за весь период исследования было найдено несколько соответствий с тюркскими языками, большее количество внешнего сходства обнаружено с монгольскими языками. Однако наибольшее число соответствий было установлено с языками тунгусо-маньчжурской группы [Lee Ki Moon, 2001, p. 24].

Именно маньчжурский язык оказал сильное влияние на корейский, что подтверждается и историческими фактами. Маньчжуры жили на севере Корейского полуострова и считали эту территорию своей. В корейской культуре периода династии Цинь (246–207 гг. до н. э.) [Курбанов, 2009, с. 28] происходил интенсивный процесс заимствования материальных и духовных ценностей из маньчжурской культуры, а в лексиконе обоих языков появилось много общих просторечий.

По меньшей мере, около 250 лексических единиц маньчжурского языка можно соотнести с корейскими словами на основе поверхностного анализа. Ли Ги Мун приводит следующие примеры: Ма. *sejen* «верхняя часть грудной клетки» К. *Ses* 젓 «грудь»; Ма. *fatan* «подошва стопы», К. *patang* 바당 «нижняя часть»; Ма. *gi* «дорогой камень» К. *kwusul* 구슬 «дорогой камень»; Ма. *hacin* «вид», К. *kaci* 가지 «вид»; Ма. *tu-ke* «вода» *mul* 물 «вода»; Ма. *na* «земля», К. *nalah* 나랑 «земля» (-lah суффикс) [Lee Ki Moon, 2001, p. 24]. Данные примеры указывают на то, что между народами, населявшими Корейский полуостров и земли, прилегающие к нему, происходил достаточно активный процесс обмена культурными ценностями, благодаря которому лексические единицы из одного языка проникали в другой. Например, Ма. *bele* «рис» может быть связано с *pwoli* 보리 «ячмень», а Ма. *mere* «гречиха» с К. *mil* 밀 «пшеница».

Однако часть лексического состава относительно свободна от подобного вида заимствований. При сопоставлении маньчжур-

ского языка с корейским большое количество соответствий обнаруживается в изменяемых формах, а именно в глаголах. Ли Ги Мун находит 70 глагольных форм маньчжурского языка, имеющих соответствия в корейском. Это позволяет сделать предположение о том, что корейский язык мог быть ветвью тунгусо-маньчжурской группы, которая появилась после разделения протоалтайского языка.

Корейский лингвист описывает историю развития языка, начиная с периода появления первых племен на Корейском полуострове и заканчивая современным состоянием. Именно ранний период зарождения и становления корейского языка фрагментарно описан в европейском языкознании, поэтому и представляет наибольший интерес со стороны современных исследователей.

Первое упоминание о Корее зафиксировано в древних китайских письменных источниках, созданных в эпоху правления династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) [Курбанов, 2009, с. 28]. В летописях данного периода содержится информация о названиях населенных пунктов, городов, народностей, населявших Корейский полуостров. Китайские путешественники в своих воспоминаниях упоминали «варварские» названия: Пуе, Когуре, Окчо и Е, а также племена Три Хан: Махан, Чинхан, Пенхан. Кроме того, они описывали этнические характеристики людей полуострова, их обычаи.

В состав языковой группы Пуе входило 4 языка: Пуе, Когуре, Окчо и Е. Согласно китайским летописям, государство Пуе вело мирную политику по отношению к своим соседям, в отличие от Когуре, которое проявляло агрессию и впоследствии подчинило Окчо и Е.

Племена Хан обитали на юго-западе Корейского полуострова и делились на три группы Три Хан: Махан, Чинхан и Пенхан. Махан – самая многочисленная группа занимала юго-западную часть полуострова, Чинхан – юго-восточную, Пенхан располагалась на юго-востоке вдоль реки Нактоган в непосредственной близости от племен Чинхан. Племена Махан находились на территории, которая впоследствии перешла во владения государства Пэкче. Земли племен Чинхан вошли в состав государства Силла, а земли Пенхан – государства Кая. Согласно истори-

ческим данным языки племен Пенхан и Чинхан имели общие черты, а вот язык Махан отличался от своих соседей. Несмотря на то, что языки этих племен отличались друг от друга, история развития у них была похожа, все они попали под влияние языков более сильных государств.

Ли Ги Мун использует в качестве основного источника информации, а также материалов для анализа, исторический памятник Самгук саги (История трех государств), созданный Ким Бусиком в 1145 г. В Самгук саги географические названия записывались двумя способами: 1) транскрипцией, передающей звуковую оболочку; 2) транскрипцией, передающей семантику. Например, название города Сувон в фонетической транскрипции состояло из иероглифов 買忽, а для передачи семантики «водяной город» использовались иероглифы 水城. Второй вариант применялся только для передачи значения слова без учета его фонетической стороны. Именно такая двойная запись и по сей день вводит в заблуждение многих исследователей, не позволяя им проводить объективный анализ.

В процессе изучения древних текстов Ли Ги Мун приходит к выводу о том, что когуреский и тунгусо-маньчжурский языки родственны, а также отмечает сходство когуреского языка с японским. Например, слово «вода» **tau* или **ti*, в эвенкийском звучит, как *ти* «вода», в маньчжурском *tike* «вода», в среднемонгольском *to^hren* «озеро, река», а в японском *mi(du)* «вода», в корейском *mul* 물 [Lee Ki Moon, 2001, p. 41]. Он приводит ряд примеров, подтверждающих родство корейского (когуреского) и японского языков.

В работе корейского лингвиста высказывается иная точка зрения в отличие от современных теорий о родстве корейского и японского языков, в которых говорится только либо о том, что когуреский язык родственен современному корейскому, либо о том, что когуреский имел связь с японским. Ли Ги Мун в рамках восточной традиции отходит от аристотелевского принципа исключенного третьего, допуская совместное существование данных теорий. Именно это позволяет ему сделать предположение о том, что именно когуреский язык мог быть промежуточной ступенью в развитии корейского и японского языков [Lee Ki Moon, 2011, p. 44].

Что касается языка Пэкче, то о нем можно судить только по историческим записям высшего сословия. Ли Ги Мун придерживается мнения о том, что основное население государства Пэкче говорило на языке племени Махан, которое проживало на этой территории. Следовательно, язык Пэкче – это язык, в основе которого лежали языки племен Три Хан, но где пуеский выступал как суперстрат, поскольку Пэкче находилось под сильным влиянием Когуре.

Корейский лингвист отмечает три основных источника, где представлена информация о языке Пэкче: 1) Самгук саги, в нем зафиксированы географические названия; 2) японские письменные памятники, датируемые 720 г. н. э., содержащие несколько десятков слов, например, *as kuma* 久麻 «медведь», *nuri* «деревня, крепость», *sema* 斯麻 «остров», *nirimi* 爾林 «учитель», *tire* 武禮 «гора», *aripisi* «юг», *casi* «город-крепость»; 3) среднекорейский текст *Yongbi o'ch'o'nka*, в котором упоминается название столицы Пэкче 熊津 «Медвежья крепость», звучащая в транскрипции как *kwo'ta' no'lo'* [Lee Ki Moon, 2001, p. 46]. Некоторые слова языка Пэкче были обнаружены в среднекорейском языке, например, *kwo't*: 곰 «медведь», а также в японском *kuma* «медведь».

Еще одним государством Корейского полуострова раннего периода – является Кая. Государство Кая, в исторических записях встречающееся и под такими названиями, как «Кара» или «Мимана», активно сотрудничало с японскими племенами, которые считали эту территорию своей колонией и использовали ее для нападений на Силла [Тихонов, 2011, с. 107]. В Самгук саги найдено только одно слово из каяского языка 梁 «ворота» эквивалентное японскому.

Самое сильное государство Силла, подчинившее себе все государства Корейского полуострова, зародилось на территории племен Чинхан, и начало свою историю с небольшого поселения *So'rabo'l*. Этот маленький населенный пункт стал постепенно подчинять близлежащие территории и превратился в мощное государство. По словам Ли Ги Муна, информации о языке поселения *So'rabo'l* нет, однако можно предположить, что язык народа, проживавшего в нем, мог повлиять на формирование языка государства Силла и а-

симилировать с языками завоеванных племен, причем как язык-победитель для остальных он являлся субстратом. Силла было первым государством на Корейском полуострове, которое подчинило себе все соседние племена. Такое объединение стало не только первым шагом на пути формирования единого сильного государства, но и повлекло зарождение общего языка. Силлаский язык стал Лингва Франка [Lee Ki Moon, 2001, p. 47] на Корейском полуострове.

Именно силлаский язык является праязыком среднекорейского языка, в лингвистических кругах его называют старокорейским. Ли Ги Мун отмечает, что пэкческий и когуреский языки близкородственны силласкому.

Обобщая материал, представленный в работе Ли Ги Муна, можно сделать вывод о том, что на территории Корейского полуострова в догосударственный период существовали две языковые группы: Прапуеская и Три Хан. В прапуескую входили языки догосударственных образований Пуе, Когуре, Окчо и Е; в силу исторического развития все эти языки были объединены под началом когуреского языка. Языки группы Три Хан: Махан, Чинхан и Пенхан стали праязыками для языков государств Пэкче, Силла и Кая соответственно и являлись родственными.

В эпоху Трех государств на Корейском полуострове существовало три языка: когуреский, пэкческий и силлаский. После образования государства Объединенное Силла сформировался новый язык, в основе которого лежал силлаский язык. Однако и когуреский язык, как язык государства с высокоразвитой культурой, оказал большое влияние на формирование нового языка на Корейском полуострове. Доказательством могут служить родственные связи когуреского языка с японским и современным корейским языками.

Подводя итог, следует отметить, что в современной науке нередко встречаются противоречивые мнения о месте корейского языка в генеалогической классификации. Возможность выдвигать аргументы против, казалось бы уже вполне доказанной алтайской теории, может быть спровоцирована следующими факторами: отсутствием доступных письменных памятников, которые можно было бы проанализировать; несовершенным владени-

ем корейским и древнекорейским языками; разными целями исследования (одних ученых интересует вопрос родства корейского и японского языков, другие стремятся доказать принадлежность корейского языка к алтайской языковой семье). Общим для большинства работ является то, что их авторы стремятся реконструировать корейский язык, опираясь на работы своих предшественников, не уделяя должного внимания проверке представленных там фактов.

Ли Ги Мун одним из первых отошел от сложившейся в корейской науке традиции, идти вслед за европейским языкознанием. Он рассматривает эволюцию архаичных форм языка, опираясь на древние памятники письменности, чтение которых не всем европейским ученым под силу. Такой подход к исследованию дает все основания считать выводы корейского филолога наиболее обоснованными и убедительными.

Необходимо отметить, что труды таких лингвистов, как Е.Д. Поливанова, Г. Рамстедта, Н. Поппе, С. Мартина, Н.А. Баскакова, С.А. Старостина, А.В. Дыбо, Ли Ги Муна и др., содержат обоснованные доказательства в пользу принадлежности корейского языка к алтайской языковой семье, поэтому ученым, несогласным с этой гипотезой, становится все сложнее опровергать факты алтаистов. В настоящее время на первое место выходит вопрос о реконструкции корейского языка, нежели проблема его местонахождения в генеалогической классификации языков. Кроме того, с выходом работы Ли Ги Муна очевидно обозначались два направления в реконструкции корейского языка: европейский и восточный. Безусловно, корейский ученый осуществляет свое исследование, опираясь на теоретическую базу своих коллег-европейцев, но он, в отличие от них, проводит анализ, допуская одновременное существование нескольких утверждений. Это позволяет ему сделать вывод о том, что когуреский язык мог быть праязыком для современного корейского и японского языков. Данные факты указывают на то, что корейская лингвистика в этом вопросе идет по пути собственного исследования, раскрывая все новые идиоматические элементы родного языка.

Библиографический список

1. Баскаков, Н.А. Алтайская семья языков и ее изучение [Текст] / Н.А. Баскаков. – М. : Наука, 1981. – 133 с.
2. Курбанов, С.О. История Кореи : с древности на начала XXI века [Текст] / С.О. Курбанов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2009. – 680 с.
3. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание [Текст] / Ю.С. Маслов. – 4-е изд. – М. : Академия, 2005. – 304 с.
4. Поливанов, Е.Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов [Текст] / Е.Д. Поливанов. – Л. : Ленинградский вост. ин-т, 1928. – 221 с.
5. Реформатский, А.А. Введение в языкознание [Текст] : учебник / А.А. Реформатский. – 5-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2007. – 536 с.
6. Старостин, С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка [Текст] / С.А. Старостин. – М. : Наука, 1991. – 190 с.
7. Тихонов, В.М. История Кореи [Текст] : в 2 т. / В.М. Тихонов. – М. : Наталис, 2011. – Т. 1. – 533 с.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685с.
9. An Etymological dictionary of the Altaic languages [Text]. – Dybo A. Leiden, 2003. – 2096 p.
10. Aston, W.G. A Comparative study of Japanese and Korean Language [Text] / W.G. Aston // The Journal of Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. – 1879. – Vol. XI. – P. 1–45.
11. Choi, Han Woo A comparative study of Korean and Turkic. Is Korean Altaic?. Altaica [Electronic resource] / Han Woo Choi. – URL : <http://altaica.ru/LIBRARY/CHOI/choi1996.pdf> (дата обращения : 21.12.2011).
12. Johanson, L. Altaic Languages. Altaic Linguistic family [Electronic resource] / L. Johanson. – URL : http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/AlataicLanguageFamilyEn.htm (дата обращения 17.11.2011).
13. Lee, Ki Moon A history of the Korean language [Text] / Ki Moon Lee. – New York : Cambridge University, 2011. – 348 p.
14. Martin, S.E. Lexical evidence relating Korean to Japanese [Text] / S.E. Martin // Linguistic Society of America. Language. – 1966. – № 2 (42). – P. 185–251.
15. Miller, R.A. Comparing Japanese and Korean. Docs. google.com [Electronic resource] / R.A. Miller. – URL : https://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:N-zs_N9NqSsJ:anthro.unige.ch/~sanchez-mazas/phm/ (дата обращения 04.01.2012).
16. Poppe, N. Introduction to Altaic linguistics [Text] / N. Poppe. – Wiesbaden : Otto Harrassowitz, 1965. – 221 p.
17. Ramstedt, G.J. A Korean Grammar [Text] / G.J. Ramstedt. – Helsinki : Suomalais-Ugrilainen, 1939. – IV. – 200 p.
18. Rosny, L. Aperçu de la Langue Coréenne [Text] / L. de Rosny // Journal Asiatique 6-ser. – 1864. – Vol. 3. – P. 4–30.